

Проблематика романов Майкла Ондаатже

Майкл Ондаатже (Michael Ondaatje)¹ — один из ведущих современных англоканадских писателей, первый канадец, удостоенный премии Букера (роман «Английский пациент» — *The English Patient*, 1992). Ондаатже родился в 1943 году на острове Цейлон (в настоящее время Шри-Ланка) в семье, принадлежащей к потомственной колониальной аристократии. Получив среднее образование в Англии, в 1962 году будущий писатель переезжает в Канаду.

Творческое становление Ондаатже приходится на 60-е годы XX века — десятилетие, в значительной степени определившее литературный облик современной англоязычной Канады и нередко называемое критиками «канадским Возрождением». С другими писателями его поколения Ондаатже объединяет, в частности, эволюция от поэтического к прозаическому творчеству и постмодернистская проблематика и поэтика его первых произведений большой формы, среди которых — прозаически-поэтический коллаж «Собрание сочинений малыша Билли» (*The Collected Works of Billy the Kid*, 1970), роман «Сквозь безумие» (*Coming Through Slaughter*, 1976) и беллетризованная семейная хроника/автобиография «Дело семейное» (*Running in the Family*, 1982). Эти экспериментальные работы отличаются постмодернистской саморефлексией² — принципиальной кросс-жанровостью, вниманием к процессу художественного письма, размыванием границы между историческим фактом и творческим воображением, использованием в качестве интертекста, наряду с произведениями мировой литературы, таких диаметрально противоположных источников, как нехудожественные документы и мифология массовой культуры. Отдельного внимания заслуживает поэтическая основа стилистики и композиционного мышления Ондаатже-романиста — единство его прозаических произведений обеспечивается не столько сюжетной организацией и психологической динамикой персонажей, сколько сложной системой сквозных образов и мотивов.

Наряду с благоприятными отзывами критиков, первые произведения большой формы принесли Ондаатже обвинения в отсутствии якобы столь важного для канадского писателя культурного патриотизма (их главные герои — бандит Уильям Бонни и джазмен Бадди Болден — заимствованы канадским писателем из культуры США) и политической наивности, не вяжущейся с его колониальным происхождением («Дело семейное» обходит вниманием остросоциальные реалии Шри-Ланки, на фоне которых безумства аристократического семейства Ондаатже выглядят не столь уж невинными). И хотя Ондаатже всегда возражал против причисления его к «этническим» писателям или писателям-иммигрантам (считая себя в первую очередь канадцем), а свободу творческого самовыражения ставил выше любых политических программ, его последующие романы стали своеобразным ответом на подобные критические замечания и, не порывая с эстетикой предыдущих произведений, характеризуются повышенным вниманием к проблематике, которая в последние два десятилетия получила название постколониальной.

В романе «В львиной шкуре» (*In the Skin of a Lion*, 1987) Ондаатже предлагает собственную версию истории канадского города Торонто, предпринимая попытку восстановить ускользающие от внимания официальной историографии судьбы его непосредственных строителей — простых рабочих, многие из которых являются иммигрантами из Восточной Европы. В следующем, наиболее известном романе «Английский пациент» (*The English Patient*, 1992) писатель обобщает свой космополитический опыт принадлежности к разным культурам и одновременно обращается к одному из эпохальных событий XX века — Второй мировой войне. Наконец, последний на сегодняшний день роман «Призрак Анил» (*Anil's Ghost*, 2000) вновь переносит читателей в Шри-Ланку, но игривое настроение, которым пронизано «Дело семейное», сменяется здесь озабоченностью Ондаатже современным состоянием страны, раздираемой гражданской войной.

* * *

Действие романа «Английский пациент»³ происходит на заброшенной итальянской вилле, где в конце Второй мировой войны

случай сводит четырех человек, в силу разных обстоятельств испытывавших на себе действие военной машины. Это венгр Ласло де Олмаши⁴, канадцы Хана Льюис и Дэвид Караваджо, а также индус Кирпал Сингх по прозвищу Кип. Каждому из обитателей итальянской виллы война принесла серьезные психологические потрясения, и поначалу они переживают их, замкнувшись в себе. Однако постепенно они делятся друг с другом своими рассказами и воспоминаниями, составляющими значительную часть повествовательной ткани романа.

Центральное место среди этих историй занимает история Ласло де Олмаши, чья довоенная карьера исследователя Ливийской пустыни заканчивается вскоре после знакомства с Кэтрин Клифтон, женой его британского коллеги, который, узнав об их связи, готов лишить жизни всех участников любовного треугольника. В тщетных попытках спасти тяжело раненную возлюбленную или хотя бы во исполнение ее последней воли похоронить ее в родной Англии Олмаши попадает в плен к британцам, необоснованно принимающим его за немецкого шпиона; позднее действительно сотрудничает с немецкой разведкой; наконец, терпит крушение на своем самолете посреди пустыни и оказывается в племени кочевников, которые через некоторое время доставляют его в британский госпиталь. Поскольку установить личность этого обгоревшего до неузнаваемости человека не представляется возможным, из-за прекрасного владения английским языком он получает прозвище «английский пациент» — таково прямое объяснение многозначного названия романа.

Для молодой медсестры Ханы Льюис уход за Олмаши становится символическим искуплением вины перед погибшим от ожогов отцом, рядом с которым она не могла находиться в час его смерти, и нерожденным ребенком, от которого она вынуждена была избавиться. Незадолго до окончания войны она принимает решение остаться на итальянской вилле, где временно размещался ее госпиталь, и посвятить все свои силы заботе об умирающем английском пациенте. Вскоре к ним присоединяется давний друг семьи Льюисов Дэвид Караваджо, находивший в военной разведке союзников успешное применение своим воровским способностям до тех пор, пока во время пытки не лишился больших пальцев

на обеих руках, утратив при этом необходимую самоуверенность. Последним на вилле появляется сапер Кип, в начале войны прибывший в Англию из Пенджаба в составе колониальных войск, а затем принимавший участие в итальянской кампании.

Указание на постколониальную проблематику романа содержится уже в выборе персонажей, большинство из которых имеют подчеркнуто смешанное, «гибридное» происхождение и являются представителями не только разных национальностей, но и разных цивилизаций в системе «Восток — Запад». Не менее обширен географический фон, на котором разворачивается действие романа, в мгновение ока переносящего читателя из Северной Америки в Западную Европу, из Ливийской пустыни — в индийскую провинцию Пенджаб. Наконец, символично, что изображаемые автором события происходят во время войны, ознаменовавшей крушение мировой колониальной системы.

Важную роль в судьбах персонажей играют широко обсуждаемые в современной культурной критике вопросы идентичности, принадлежности к тем или иным коллективам — нации, профессиональному сообществу, семье и т. д. Наиболее созвучной постколониальному контексту является проблема национальной идентичности, различные проявления которой реализуются в романе через образы Кипа и Олмаша.

Молодой индус Кирпал Сингх очарован английской культурой и отправляется на войну отчасти из желания приобщиться к ней. Поначалу он проявляет склонность к мимикрии⁵, ассимиляции в имперской среде (соглашаясь, в частности, принять унижительное прозвище «Кип-селедка»)⁶, но в то же время в своей одежде, манерах, религиозных убеждениях сохраняет связь с собственной культурой. В силу своего колониального происхождения Кип обречен на социальную изоляцию (которая позднее нарушается общением с обитателями виллы и романом с Ханой), однако она компенсируется для него возможностью познакомиться с лучшими образцами европейского искусства. Культурное паломничество Кипа заканчивается известием об атомных взрывах в Японии, открывающих ему глаза на сущность той «западной мудрости» (Western wisdom), которой он хотел причаститься и которая на поверку оказывается суммой риторических приемов, легитимирую-

щих преступления против человечества и побуждающих сынов Азии растрачивать силы в «английских» войнах вместо того, чтобы бороться за независимость своих стран. Юноша в негодовании покидает итальянскую виллу и возвращается на родину.

Напротив, Олмаши во время исследований Ливийской пустыни приходит к отрицанию понятия нации. Хронотоп пустыни — пространства без демаркационных линий, отмсченного соприсутствием всех исторических времен, — выгодно отличается в его глазах от разделенного границами западного мира, чья история представляет собой череду захватнических войн. Однако за отказом от национальной укорененности следует отказ и от национальных интересов, который в случае с Олмаши оборачивается предательством общечеловеческих масштабов. Полагая, что в смерти его возлюбленной Кэтрин повинны англичане, он без раздумий предоставляет свои уникальные знания о пустыне немецкой разведке и тем самым способствует военным успехам фашистов в Северной Африке. Лишь перед смертью он приходит к осознанию чудовищности своих поступков, однако ни другие персонажи романа, ни его автор не считают себя вправе осуждать его.

Кип и Олмаши характеризуются как «побочные дети наций» (*international bastards*), и до некоторой степени эта характеристика применима ко всем четверым обитателям итальянской виллы. В то же время приобретенный обоими персонажами космополитический опыт приводит их к различным решениям проблемы этического выбора. Если возврат Кипа к национальным корням означает его способность различать добро и зло, то Олмаши, стремясь стать гражданином мира, в реальности действует против него. Роман убедительно демонстрирует амбивалентный характер национальной идентичности: хотя в разделенном границами мире неизбежны конфликты (в том числе военные), игнорирование объективно-го существования этих границ ведет к этическому релятивизму.

Контрастные образы Кипа и Олмаши также могут быть прочитаны как символы соответственно восточной и западной цивилизации. По замыслу автора, подобное сопоставление призвано показать, что Запад переживает кризис, состарившись за несколько веков истории, в течение которых он занимал ведущее положение на мировой политической арене, и теперь вынужден пассивно

наблюдать, как на его место приходит набирающий силу Восток. Не случайно эти персонажи характеризуются противоположным отношением к различным проявлениям текстуальности, являющейся важной формой колониального господства. Если в судьбе английского пациента Олмаши существенную роль играют носители имперской культуры — его неизменно сопровождают занимающие значительное место в символике романа образы книги, имени, карты, а его сознание предстает суммой западных текстов — то Кип относится к ним с недоверием и прагматизмом, отдавая предпочтение конкретности и осязаемости окружающего мира и признавая лишь изобразительное и пространственное искусство. В то же время этот и другие контрасты романа не доводятся Ондаатже до уровня бинарной оппозиции. Читатель вынужден не только восстанавливать нити сюжета из композиционно фрагментарного повествования, но и отыскивать не прямые ответы на поставленные автором вопросы, раскрывающиеся в диалогическом взаимодействии персонажей.

Роман «Английский пациент» несомненно может быть отнесен к постколониальной литературе и в то же время, подобно любому значимому художественному произведению, он не укладывается в рамки политизированной и политкорректной постколониальной критики. Он вполне может быть интерпретирован как постмодернистское произведение, опыт магического реализма или мифопоэтический эксперимент, продолжающий традиции Дж. Джойса, Т. С. Элиота, Э. Паунда, чье творчество входит в богатый интертекст произведения⁷. Роман в равной степени является пародийным переосмыслением многочисленных жанров «популярной» литературы — детективного, любовного⁸, приключенческого и т. д. — и предстает энциклопедией европейской культуры от античности до современности.

¹ Используемый здесь русский вариант фамилии является транслитерацией английского написания; фонетически правильным был бы вариант «Ондатжи», принятый, в частности, в русском переводе романа «Английский пациент».

² Понятие постмодернистской саморефлексии употребляется в широкой трактовке Л. Хатчеон.

³ Одноименная экранизация в 1996 году режиссером Э. Миньеллой (Minghella) принесла создателям и актерам девять премий «Оскар».

⁴ Такое написание фамилии Almasу является транскрипцией произношения, использованного в экранизации романа; по-венгерски фамилия, вероятно, звучит как «Алмази».

⁵ Термин Х. Бабы.

⁶ Прозвище Кип образовано от английского kipper, созвучного настоящему имени юноши.

⁷ Анализ многочисленных источников цитат и аллюзий в «Английском пациенте» мог бы стать предметом самостоятельного исследования; особо хочется отметить имеющую отношение к постколониальному контексту полемику М. Ондаатже с британскими писателями колониального периода — Дж. Конрадом, Э. М. Форстером и Р. Кипплингом. В частности, кличка индийского сапера прямо увязана автором с названием романа Р. Кипплинга «Ким», а отношения «(западный) учитель — (восточный) ученик» между Кипом и Олмаши смоделированы по образцу отношений между Кимом и его наставниками.

⁸ Интересно отметить, что творчеству Ондаатже в России предстоит преодолеть неожиданный барьер рецепции: русский перевод «Английского пациента», появившийся после упрощенно мелодраматической экранизации произведения, продается в отечественных книжных магазинах в отделе женских романов.

Е. В. Киселева

Лексикографическая репрезентация эмотивных существительных в толковых словарях английского языка (на примере существительного «love»)

Проблема семантизации слов в толковых (одноязычных) словарях является одной из самых актуальных проблем современной лексикографии. Учитывая то, что речь пойдет о семантизации эмотивных существительных в толковых словарях английского языка, эта проблема приобретает еще большую значимость.

Очевидно, что толкование существительных, обозначающих эмоции, отличается от толкования существительных, обозначающих, например, предметы мебели или животных, поскольку эмоции — это некие абстрактные, неосознаваемые сущности, а предметы мебели или животные — реальные объекты окружающего нас мира. Наша задача — выявить специфику семантизации эмоцио-